

Шар
Купу

С
Судыбароуцый
Клевер

Улан
Кууру
Хуньбаруун
Хувелер
Хура
отогов

Москва
Советский писатель
1985

Художник
ТАТЬЯНА БАННИКОВА

Киуру И. С.
К 38 Неунывающий клевер: Стихи.— М.: Советский писатель, 1985.— 120 с.

В стихах книги московского поэта Ивана Киуру мы видим внимательный взгляд человека, вглядывающегося в природу и сливающегося с ней. Но, глядя на природу, герой «Неунывающего клевера» не упускает из виду и людей — резкими, яркими мазками рисует он образы северных косарей и плотогонов, тружеников наших среднеазиатских республик.

Язык стихов И. Киуру порывист и экспрессивен. Читатель встречается с интересным, своеобразным поэтом.

4702010200—105
К

 184—85
083(02)—85

ББК84.Р7

© Издательство «Советский писатель», 1985 г.

ОСВОБОДИ ШМЕЛЯ!

Не дай шмелю погибнуть
в паутине паука,
Но для полета верного —
спаси его, прохожий!
Он песнь шмелиную к тебе
пронес через века,
На садовода — бархатного
мужика похожий.
Освободи его, прохожий!

Не поленись и смело к паутине
подойди!
Спаси от смерти верной
молодого агронома!
Цветов немало он посеял
на твоем пути:
И у тропы лесной,
И в роще, возле дома.
Так выручай же агронома!

БУРЬЯН

Грачи готовятся к отлету,
Их грай с утра гремит в полях...
За небосклона даль далекую
Отвез хлеба могучий шлях.

И всякий стебелек простой
В труд лета сделал вклад возможный.
Бурьян дымится придорожный
Лиловой дикой красотой!

Чертополоха племя злое,
Полынь, репей да белена
Покрыты пылью, как золою:
Лишь кровь — целебно зелена.

И, к вождельню живописца,
Текучим золотом скирда
Сквозит — дороги древней близко —
Как сгусток света, но чиста.

И кажется: чертополоха
Над степью слышен тяжкий вздох:
«Я плох. Но только не для бога!
А человеку — чем я плох?»

Мой колок жесткий лист коричневый,
Меня не купишь, не продашь,
Я вечен, как тот пограничник
Земель плодоносящих страж!

Рожден на самой кромке поля,
Но не клянущий жребий свой,
Одним дождем небесным полит
И жив лишь скудную землей.

Я — роду бедного, но гордого.
Честь воинов во мне жива.
Я не рожден для натюрмортов —
Для глаз незрячих буржуа».

НОЧНОЕ

Над заливных лугов покоем
Туман и розов и лилов.
Там у реки пасутся кони,
И травы прячут корни слов,

Уснувших до дождей начала.
Их истощил тягучий зной,
Их жгучим ветром укачало,
Ожесточило желтизной!

Ведь и река-то вся иссохла,
И оскудел береговой лозняк.
В степи у коршуна и сокола
Гуляет небольшой косяк.

В полей широкие подолы
Бел месяц светится едва.
Ржет конь... И ржанью древней воли
Внимает вещая трава.

Но кто считал траву пророчицей?
Кто помнит, где язык возник?
Мне слишком откровенно хочется,
Чтоб от стихий мой шел язык!

В пологость мягкую холмов
Дергач скрипучий подал голос
И объявил почти как новость,
Что свят степной ночи покров.

Простор во снах бормочет стих.

Близь —

дальних звезд

неразличимей.

Но звуки могут быть значимей

Всех очевидностей земных.

Тряхнул ли конь тяжелой гривой,
Стучится ль месяц в чье окно,
Всплеснул ли сом под старой ивой,
Все связано. И тайн полно.

Был стук в окно, хоть спит округа.

Костер потух... Спит Ванька-внук.

Не отпустили Ваньку-внука

Даже взглянуть на Бежин Луг!

Синий воздух — чьи клики пронзили?
И на землю слетают с небес...
И в России, и в дальней Сибири
Им откликнулись поле и лес.

Отозвались высокие скалы,
И дремучие топи болот,
И просторы озер одичалых,
И заброшенный в дебри завод.

Знак надежды, обличьем лишь новый,—
Вторит им величавой трубой
(Молодой и еще бестолковый),
С просьбой взять его в небо с собой.

В этот миг вся земля наклонилась:
То был странный, но видимый миг!
И сентябрьскому лесу приснилось,
Что он счастье в печали постиг.

В неизбежной прекрасной печали!..
Перед музыкой дальних дорог,
Высоко над моими плечами
Тихо падает месяца рог.

Стал простор весь летуч, весь озвучен...
Над лесами, горами земли,
К жарким звездам и ласковым тучам
Словно ищут свой путь журавли.

Кинув беды и радости буден,
Мхов зеленых покинув уют,—
То стучат они в небо, как в бубен,
То — серебряной флейтой поют.

И сердца своей жалобой зыблют
(Велика их тоски высота!),
И на трав увядание сыплют
Разноликую песню листа...

...С желтой хвоей на землю слетая,
Журавлиной трубой рождена,
Синяя и золотая,—
Над страну плывет Тишина...

ПЕСНЯ СПЛАВЩИКОВ

Песни пасутся у скал
(Тени в лугах одичалых).
Кто их слагал? И когда слагал?
И кто в неизвестность умчал их?

«Двинем багром! А ну-ка!
Образовала залом
Излука...
Двинем багром веселее —
Поможем безрукой!»

Вниз по реке, по реке,
Минуя за омутом омут,
Плот, обезумев, летит
В кипенье черемух...

Петляет и кружит поток,
Прибрежную иву глотает...
Над водоворотом листок
Последний — дрожит. И — тает.

«Двинем багром! А ну-ка!
В заломе, гляди, вся излука...
Двинем багром веселее —
Поможем безрукой!..»

Вниз по реке, по реке
Умчали плоты за пороги.
Между рыбами сонными в бочаге
Плавает месяц двурогий.

...Всхлипывает
Невнятно вода
У прибрежной древесной ниши.
Мотив позабыт навсегда,
Но слышен отзвук... Слышен.

Сосны скрипят натужно.
Грянем-ка песню дружно!
Чем можем, реке поможем.
И юность вернуть ей нужно.

Тихо падает лист на заре.
Вкрался в травы прибрежные иней.
Глубоко дышит мир в сентябре
Под напевы трубы журавлиной.

И в безмерность небес я смотрю...
(Долог зов журавлиный и странен!)
Дух бесчинный стихами смирю
Этим утром сентябрьским, ранним.

И мелодия, дивно проста,
Вдаль уходит, кружа надо мною...
В сентябре мне нужна высота,
В сентябре я сражен глубиною.

...На заре мы с насиженных гнезд
Поднялись,
Гибкой строчкою стали,
Дабы между туманов и звезд
Путь прокладывать в дали.

Наш косяк
Путь свой долгий творит
(Скорби мира и блеск его — с нами!),
Над горой, над полями парит,
Над сентябрьскими лесами...

Нам вожак протрубил на заре
Вечных странствий высокой трубою,
Оторвал от травы в серебре
И повел в облака за собою.

На заре нам мерцают поля,
Пар над ширью озимых дымится...

Не зови, не зови нас, земля!
На заре нам нельзя приземлиться.

И виденьем встают на заре
Нам над тучей далекие горы;
Дивный город на вечной горе
И слепит, и туманит нам взоры.

К морю манит нас путь в сентябре,
Нас чарует дорог окаянство...
Вы горьки, вы сладки на заре,
Страх, надежда, и жажда пространства!

...Над заливом знакомым
Труба
Так поет в сентябре век от века —
Духом зрячая, оком слепа —
И смущает покой человека.

Легенды — народу,
И неутоление жажды, и погибель —
    воителю и мореходу,
И открывали Свет Новый
    и с двух сторон —
    Индии берег...

И воплям вдов и сирот на великих реках
Была стихия океанов рада,
И дивилась безумному смеху
    на вантах танцующего человека,
Провидящего вдали Эльдорадо...

И шли на дно:
Имбирь, корица, перец —
    пряности благословенных
Стран,— и с ними иллюзии смелых,
    и великие виды...
И на дно погружались барки и каравеллы,
    и принимали их Океан
И Океаниды...

МЕЛОДИЯ ДЛЯ ГИТАРЫ

Мне хотелось бы песню сложить для гитары.
Песню я бы такую сложил для гитары,
Чтобы сразу, в полуночный час,
Ото сна пробудились и юный и старый —
И тут же в пленительный пляс
Пустились
    под звон гитары!

Мне хотелось бы для одинокой гитары
Строй такой отыскать под ночными ветрами,
Чтобы в небе осенней звезда
Покатилась... И вдруг — облака заблестели...
И, танцуя, летя в никуда,
Закружились
    под звон гитары!

Все равно я напев отыщу для гитары!
Ах, какой я напев отыщу для гитары!
Чтобы в поздний полуночный час,
Взявшись за руки, малый, и юный, и старый,
Не смыкая под звездами глаз,
Кружились —
    под звон гитары!..

МАЛЬЧИК МАЙ

Тинистые волосы — зеленые нити
Ветлы да лозы принимались вити,
лесные созданья
без роду и званья
На пир созывати —
Весну пируют
раннею ранью.

А дождик барабанил
В листве среди ветвей,
Нашептывал, названивал
И звал весну скорей...

Упрямо и настойчиво,
Вблизи и вдалеке
Сквозь ливень мальчик Май шагал
с подснежником в руке,
Сквозь ливень мальчик Май шагал
с подснежником в руке.

За рощею туманной
он легкий сплел венки
Из первых одуванчиков —
и бросил возле ног,
Как если бы заветный
он выполнил зарок.

И дождик удивленный
Умолк среди ветвей,
И горько, горько причитал
(Как если бы и впрямь страдал!)
Веселый соловей.

Тут мальчик Май растаял,
а мир расцвел для всех,
Тут мальчик Май растаял,
а мир расцвел для всех!
Но до сих пор за рощей,
Орешником поросшей,
Мне дивный слышен смех,

Невнятный голос флейты
и легкий шум шагов,
Когда случайный дождик
идет из облаков...

Упрямо и настойчиво,
Вблизи и вдалеке,
Я помню,— мальчик Май шагал
с подснежником в руке...
Я помню! — мальчик Май шагал
с подснежником в руке.

Глянь! — в гущу зелени уж вкрался красный лист.
И потускнели облака, и отсырели:
Их цвет разбогател, оттенками волнист,
Но слышится в них зов трубы, а не свирели.
Свой свет натруженное солнце льет щедрей
На крупную росой остуженную землю.
И подосиновик несет грибник в ведре,
А белые грибы — еще под елью дремлют.

Зарей — пронзительней звучит лягуший квак.
Оркестр грачей несуетлив, но громок.
Несет корзины под базарный флаг
Пенсионер — и сыплет овощ из котомок.
И вспоминает дни, когда он молод был,
Когда картошка в десять раз крупнее
была...
Грачиный грай был выше и звучнее,
И жизнь — мила! Земля? — Земля весьма кругла!

Как прежде, впрочем, зелен огурец
И красен бок веселый помидора!
«И все ж... Опять скажу: не тот пошел скворец —
Поет не в лад, болтает — без разбора...
Но облака — ох, облака все те ж:
Небес высоты красят и линуют,
Румяны да белы — и (как там? — цвета беж?)
Все так же душу тешат и волнуют!»...

...Да! Облака — все те ж. Их вековечен пир;
В них безоглядности какой-то куролесье...
Все той же их реки питает млечный мир,
Бегущей вечно в поднебесье!

И я — в честь осени — свой стих раскрепощу;
Я тоже порезвлюсь (как старики и дети!),
Пригóршню выдумок в веселую пращу
Вложу —
И — запущу гулять на свете!..

РОЩА ЗААЛЕЛА...

Не было морозов. Далеко был иней.
Роща заалела под звездой синей.
Роща заалела, роща зажелтела,
Вечно быть зеленой, знать, не захотела!

То ли ветер ей, звеня,
шепчет, то ль ей снится?
«Выйди замуж за меня,
красная девица!
Принесу тебе зарю, светом околдую
И на память подарю флейту золотую!

Сядь на моего коня!
Будем петь, кружиться...
Выйди замуж за меня,
Красная девица!..»

Роща ветру говорит — горделива с виду:
«Нет, не выйду за тебя. Никогда не выйду!
Чуден пляс твой, славен бег, речь твоя прекрасна,
Да не тот ты человек... Мне, девице, ясно!»

«Тот я! Тот! — он ей в ответ. — Стройный и крылатый!
Мчал к тебе я сотни лет — тот, кого ждала ты!
Сядь на моего коня, — будем петь, резвиться,
Выйди замуж за меня, красная девица!»

Роща встрепенулась,
Роща задрожала;
В ней душа проснулась,
В ней любовь дышала!

На заре краса девица на коня садилась...
(Или ветра песня эта роще только снилась?)
Возле рощи по земли шорохи носились,
Травы под косою легли — ах! — отколосились...

Не было мороза, далеко был иней.
Роща заалела под звездой синей.

КУВШИН

Вернемся в начало начал,
    обратимся в беспечную глину
(Но лучше — цветную,
    чтоб чей-нибудь радовать глаз!).
Поэт!
Позавидуй поющему звучно кувшину,
Певцам и флейтистам,
    что будут и петь и плясать после нас...

По глине,
По глине кувшина,
    танцую, дудя и чаруя,
Магической схвачены кистью,
В природы божественный лак
Ушли они,
Будням народным
    гармонии праздник даруя,
И чудною цитрой звеня,
    и качаясь, как зреющий злак...

Мечтай человеком с бессмертной душой,
человеком страдающим стать!

Ах, каплей кастальскою оживлена,
за Орфеем спешит Эвридика,
Каплю мертвой реки
вмиг умерщвлен Одиссей!..

Звени же, кувшин,
торжеством
и прекрасно, и ладно, и дико;
Нам сирость ума,
Дионис,
и невежество сердца
развей!

ВОСТОЧНЫЙ МОТИВ

Запоздалая птица летит на закат.
Воздух чист. Гаснет горстка дымов.
Обозначился месяц в пространствах, рогат,
И черны силуэты домов.

Еще зелен и желт над горой небосклон,
А деревья черным-черны.
Стайки звезд над восточного мира углом
Чуть видны.

Крыши плоские
Лестницами пирамид
Спускаются вниз, к реке.
Где-то, в бездну сорвавшийся, камень гремит,
Голубь дикий кричит вдалеке.

И верблюд за дувалом —
Гора среди гор,
Бог пустынных горных богов,—
Он колючки жует недожеванный сор
С бесплодных солончаков.

Запоздалая птица нырнула в закат,
В ускользящее тепло,
И растаял в заре ее черный агат.
Воздух чист, как стекло.

Меркнут звуки.
Косой проскочил в буерак.
Один я стою на мосту.
День померк.
Тени празднуют во дворах.
Груши черные — в белом цвету.

* * *

От северной половины земного шара
Солнце отворачиваться стало —
Устало.
Океан рассердился,
Ветер дохнул,
К небу взметнул облака!..

С корзинкой пустою
Бреду по лесов опустелых базарам,
И ливни косые
Пляшут, как бесы босые,
Ручьями взрывая тропу,
А мне, как снопу,
Обивая бока...

В посвистах ветра,
    в дождей несмолкаемых гулах
Ни птиц, ни зверьков не видать,
    и не слышно людей...
Я нашел на пеньке
    три опенка сутулых,
    два ореха на ветке
    да с пяток желудей.

С гривой пенистой, белой —
Вихрь мчит одурелый,
Мечет листья в поток...
    Ураганы созрели,
    и циклоны созрели,
Бессмысленные караваны оркестров запели,
И проклюнулся хаоса серый цветок.

Лист желтеет набрякший
    у меня под ногами.

В желтой пряже потока румянец осин
Да с лицом обомшелым задумчивый камень
Созерцают уныло
    клокотанье трясин...

Бог ты мой!
Над потоком светило взлетело!
Словно твердь свои реки
    исчерпала до дна...
Тишина охватила и душу и тело,
И опять передышка человеку дана!

Кто поверит,
Что в холоде, в слякоти этой,
Под скалою, чей дух
    и дремуч и тяжел,
Я — улыбку давно убиенного лета —
Одинокую дикую розу нашел?!

ВЯЗАНКА

Луна,
Словно круглый пшеничный
Хлеб — над созвездьями вишни;
Запах мяты, полыни и дыни
Бредет по холмам пустыни.

Спят

На далеких горах великаны —
Облака...

Над кустарниками гребенчука
Плавными козырьками

склонились барханы...

Мой ослик

Везет саксаул каменистым ущельем,
Утомленный не грузом, а запахов
диким хмелем,

Светом неровным, волнистым, дрожащим.
Будоражающим воображение, душу пьянящим...

Цокают тихо копыта

Руслом засохшим, кремнистым,
Истово вторит им эхо,

подобное бескорыстным

Многоголосым артистам,

С детства постигшим великую бездну
тайн лицедейства...

От обилия запахов, ритмов и света

Забыла душа моя: где я?

Кто я? По-моему, я — это музыка, миф,
и я же идея.

В них растворенная, не расчлененная схемой.

Я — природа сама, не ставшая книжной поэмой...

...Полами черными пыль

обочин дорожных взметая,

Навстречу танцуют деревья...

Цикада звенит золотая.

ЮЖНЫЙ ГОРОД

Вижу город над морем в каком-то кочующем стиле
Республик игрушечных, дерзких летучих империй!
С коих пор пировали тут и торговали

и мостовые мостили?

И уходили народы и оставляли открытыми двери...
Именно двери, а не ворота. Солнце по окнам
С коих времен тут блуждает по гулким каменным стогнам,
Гармонию мне открывая в статуях белых античных,
Вечность которых собой оттеняют

стаи высокие птичьи?

Под ветром зеленым, оранжевым, просоленным,
В степях проперченным,
Везде-то прошедшим, везде побывавшим —

в саваннах далеких и близких,

Свои анекдоты несущим даже из джунглей индийских,
Грек из Пирея ногами сиртаки рисует,
Старик в лапсердаке у тощенького фонтана
Потчует новыми баснями глубоко отдыхающего уркагана,
А уркаган за спиной своей чужеродного ока не чувствует!
Божественной белизною над синью морской колоннада
Напоминает о том, что и здесь она побывала —

Эллада!

Но за колоннадою, — эллинских торжищ

речистей и много шумнее, —

Я видел базары, где и философы и торговцы
стали хитрее, умнее!

Могло ли, что видено ими,

хитрому греку даже присниться?

Но катится в небе, как прежде,

солнечная Аполлонова колесница,

Кружится воздух над городом,

ласковый, нежный и синий!

И с корзинкою девочка предлагает прохожему

золотистые апельсины,

Повсюду камень, камень...
Как много камня в поле!
Работа — великанья.
И кварц — белее соли,
И кварц — белее соли,
И розовый гранит
Следы великой боли,
Трудов следы хранит.
Подъят из почвы, собран
В безбрежные стада
Разумной мощью доброй,
Что отроду горда.

Мне дома того жалко и жалко той земли,
Где клевер, и фиалка, и рожь весной цвели.
Его легко понять мне, хоть весь я — городской,
Но как его поднять мне немощною рукой?

Повсюду камень, камень...
Как много камня в поле!
Работа великанья —
Венец труда и воли.

Торчат останки дома там, на краю земли,
Где рожь и клевер скромный приветливо цвели.
Песок в поту и в соли, бурьянная печаль...
Покинутое поле, кому тебя не жаль!

О том, как ей пели метели,
Как зимние зори глядели,
Ее обжигая огнем,

В своей камышовой постели,
В зеленой своей колыбели
Поет она ночью и днем.

О том — когда крошкой-ребенком
В кряже темном, тяжелом, но ломком,
Нежной грудью и белым плечом —
К свету, к солнцу стремилась...

Кружила

По пещерам земным и по жилам...
И пробилась. И стала ключом!

Как ей старые ели дивились!
Колыхались, шумели, клонились,
Темны и душисты, как ночь:

«Речка-крошка!.. Глядите, о сестры!
И журчит ведь, и взоры-то остры...
Это дочь наша, милая дочь!..»

Ах, любя, ей во всем потакали
Те монашенки-ели!.. И ткали
Изо мхов изумрудных ковры

Вкруг нее — чтоб ей не были жестки
Камни гор... А чуть ниже — березки
Ее смотрят с той давней поры.

И сходила с тех гор она тихо
В день, когда расцвела облепиха,
Ежевика, деревья, трава...

Пил олень ее и кабаниха
(За трясиною — Марьино лихо!),
И кабанчиков скромных братва.

Гибкий там она выбрала посох...
(Не черемуху ль черную в росах —
Ветра дар, и дождя, и луны?)

И пошла!..
И пути до сохи ей
Раскрывали все русла сухие.
И мешали везде — валуны!..
И в низину, жарю палиму,
Шла на ощупь... Да в нашу долину —
Где светла, где — от хвои темна,
Низошла... И в лощинах березы,
И плакучие ивы, и лозы —
Все собой оживила она!
О том, как ей пели метели,
Как зимние зори глядели,
Ее обжигая огнем,
В своей камышовой постели,
В зеленой своей колыбели
Все журчит она, ночью и днем...
Ой ты, пашня, ты, пашня тяжелая,
Ты, хлебами дарящая села все!
О лугов золотые стога!
Долы! — в пазухах — песни веселые,
Удалые... Ветрами несомые...
О далекого детства река!

БОЯРЫШНИК

Из подозрений ли яростных,
Из хозяйственной ли осторожности,
Только иглами своими

Боярышник

Ограничил мои возможности
Собирателя и поклонника.

Утром ранним, зарей ли вечернею,
Гроздий мед стерегущие тернии
В равномерной (и дружеской!) ярости
Не приемлют моей

Фамильярности,

Охлаждают мое нетерпение!

КОРНИ

Новелле Матвеевой

О чем это чайки кричат на озерах,
Родимого моря волну вспоминая?
На новых беспечных просторах —
но помнят, что их породила стихия иная!

То стайей мятутся они, то плавно
кружат, как мечта, одиноки...
Премногие вихри сквозь птичьа сердца пролегли,
И вьются, как реки, дороги...

Да! Их породила стихия иная —
Стихия такая, которой ни дна, ни начала, ни края!

За солнцем,— подобные птицам,— за солнцем,
за лучшею долей в погоне

Мятемся мы, люди, в извечной погоне —
За солнцем. Мечтаем о счастье, о воле...

Клич многих веков был несложен: — По ко́ням!
— По коням!
— По коням!

Поди отыщи теперь: где наши почвы, где корни?
И что за обманы таятся в крови, о небесные силы!
Как духи славянские песнями — сердце мое полонили?
Вкруг пальца зачем обвели? Нашептали лады и размеры?
Или у разных народов в сокрытых истоках —
единые веры?

Единой земле поклоненье и небу?
Волне и огню поклоненье
И плен у стихий, заклинанье стихий,
и труд, и стихий полоненье?
Послушанье и повеленье?..

На финна похож славянин; в собрании — кто отличит
славянина от финна?

Разве что мать! А истории тропка
то робко, то громко — долиной единой
Петляет неровной, извилистой, длинной-предлинной,
Лесными краями, по впадинам, ямам,
по рекам, речушкам,
по многим протокам...

Но что не означено в мифах божественных,
в царственных книгах —

Поэтов великих пронзается творческим оком;
Эпохи, века открываются в крошечных мигах!
В туманах времен я вижу племен первобытных движение,
Смешенье народов и столпотворений великих кружение —
Братанье, обмены речами и рунами!

Дикое пенье,
Нам непонятное, непосвященным...
Однако божественный гений
Силой прозрений равно озарял
в состязаньях Бояна

Вещего
И Ванемуйне — певца золотого!
И вряд ли науки нам точно укажут: где та поляна,
Где пели и пили они из того же святого
Источника музык! Где сотни мелодий
В южном — славянском — слились
и в северном — финском — народе?..
Где племена разошлись и когда разделились долины?
И стали — когда? — языками различны народы?
Но духом — едины?
Умолкни, история! Краткая миля,
краткая миля мгновенья...

Болтунья!
Которой неведома истина —
ведомы глупость и духа томленье!
Зато Предыстория! — вот где великие миги и мили...

Это память крови, это многие земли,
    что душу вспоили, вскормили,
Что дали простор ей и дали бессмертные крылья,
    в которых живет ощущение грядущего;
    прошлое — не затуманено
    тысячелетнею пылью!..

Так я в себе понимаю славянские многие ритмы.
Так — все той же прекрасною жаждой
    знаний неложных томимы,
Идем мы с тобой — и обрящем,
    и ищем, и снова творим мы
Те самые песни и речи, что наши предтечи слагали,
И древние нам улыбаются общие боги,
    которые заговорили,
Зачаровали кровь нашу, в коей
    текут, как подземные воды, глубоки,
Тайною полные, ритмами сходные — токи!
А из рощ и пещер всей земли,
По которой летели мы, шли и брели,
Нам, как прежде, загадочно
    улыбаются
    общие древние боги!

КОСА

Ах, коса ты моя, коса звонкая!
Ах, коса ты моя, вся серебряная!
Ты ведь выкована из жаворонкова
Июньского раннего пения!

От морозов лихих поскупилась земля
На плоды, а расщедрилась — травами...
Ой, под зноем пчелиным, под рокот шмеля
Мы ль пройдем, прошумим меж дубравами!

Косовище твое ведь из лиственницы,
А сама ты — из чистого серебра!
Ты сверкаешь сверканьями быстрыми
И звенишь, как струна и как дерево...

Много дел у меня и забав у меня,
А косьба ведь любезная самая!
Ты — как быстрый полет вороного коня,
Ты — как песня, ой, чудо-коса моя!

Ты пройдешь вдоль дорожек и тропок лесных
Белой лебедью, серую утицей
И на добрых осенних пирушках честных
Старой песней, легендой очутишься...

Поглядите косу мою, люди села!
На широкие мерные взмахи ее...
Вся тонка, — а гляди: и стога намела, —
Поле полнит медовыми запахами!

Что косилка? Ей степь, ей просторы подай...
Где найдешь ей раздолье на севере?
Ты же всюду поешь: «Не сдавай! Наподдай!» —
Все равно где: во дебрях, во степи ли...

Косовище ее-то из лиственницы,
А сама — вся из чистого сѣребра!
И сверкает сверканьями быстрыми,
И звенит, как поющее дерево...

СКАКУН

Мне всегда казалось, что конь — это нечто большее, чем конь. Я это остро чувствовал с детства. А теперь, когда видеть этого верного друга и спутника человека удается все реже и реже, я наконец решил это чувство выразить стихами. Прообразом для Скакуна послужил знаменитый туркменский ахалтекинец, воплощающий в себе все то, что называется красотой и благородством. О нем, ахалтекинце, — неизменно и с большим успехом отстаивающем первенство на всех международных состязаниях по скачкам, — именно об этой красоте, выпестованной в веках человеком, — вся моя небольшая поэма.

Автор

— Я много повидал дорог
И горных и лесных;
И радости, и морок их,
Знал шум, и гул, и шорох их,
И сны, и яви их...

Мне путником судил быть бог
В краях необжитых;
На гребнях, солнцем залитых,
В лесах осенних, золотых,
В краях земли святых.

Взвивайся, жертвенный песок,
Из-под моих копыт!
Мне жить какой отпущен срок —
Не ведаю!..

Но быт
Презрел я!
Он не для меня —
Огнем рожденного коня;
Я — мысль! Я — жизнью нить...

I

Давно ли я был полудик и не ведал седла?
Давно ли к узде я привык?!

Ведь подарила крыла

Незримые мне

В полдней чистом огне

И в кипенье ночей — ширь степей

под звездой —

Недаром!

И витязю взвиться радость я дал

И чувство свободы (священной свободы!)

Недаром;

Он, в себе суету обуздав,—

лишь потом обуздал

Меня в состязании яром.

И вот мы — единство. Единое мы естество,

И воля и стремлений сплетенье.

Что знают поэты о нас? Ничего!

Ибо имя нам — Свет и Движенье.

Мы — вечная воля к победе,

Нам, священное пламя, свети!

И себя превозмочь,

И других превзойти

Нам помогут пространство и ветер,

э-ой!

Но...— куда мы, хозяин, куда мы с тобой
Летим, мой славный джигит?
И непонятно: то мы ли в полете,
то ль время летит?

Но я молчалив, и ты молчалив.
Вьются искры из-под копыт,
И — прощай, караваны чинар,— мы на запад,
они — на восток...

...И падает солнце за небосклоном летучим.
Нам севера дальнего светит звезда...
На запад, на северо-запад
мы в далекие мчим города!
Подобные чайкам джейхунским,
судьбы мы не ведаем —
мчимся и мчимся туда,
Где на заре никогда, никогда не восходит
лотоса дивный цветок.

Полет!..
Кто скажет: куда и зачем наш полет?
Нас ветер-бродяга овеет,
и солнце согреет,
и дождик польет,
Источник случайный даст воду хрустальную —
чище и слаще, чем мед,
Покуда же — только полет!
А после узнаем — зачем...

...Я — пустыни огонь!
Я — пустыни зеленой струна золотая!
Я для песен струна, из души лучезарного
солнца витая...
Над пространством веков и людей пролетая,
Стал я трепетом дивным безмерно богат!

Пусть рожден я из плоти, но стал я бесплотным,
Пусть рожден в несвободе, но стал я свободным,
Как мелодии ритм, по барханам голодным
Я стелюсь и плыву, уходя на закат.

Как легко обгонял я самум, догонял
самое телеграфную весть!

И склонить не сумела к усталости

дух мой и ум

даже самая тонкая лесть.

Я не знал поражений, но славу стяжал,
и ахалтекинскую честь

Даже на волосок уронить я не дам
никогда, никому.

Да! Меня породил не самум,

но барханов прозрачная даль,

И впоен я жемчужною влагой Аму

утром радостным, ранним,— и жаль,

И жаль мне, что шума арыков ее не услышу

и не увижу,

как мглы голубую вуаль

В предутреннем розовом свете снимает богиня Аму!

Прости же, пустыня, и волны Аму,

и Хазарское море, прощай!

Пески золотые, прощайте!

В неведомый северный край

Полет свой направил я... Там, за Аралом,

и рокот дутара и радостный грай

Я не забуду, от милого края вдали.

II

...Глянь, вышел на охоту лев.

Гляди — трепещет лань!

А злобный рукоплещет злу, неправым рад делам!

(Глупец! Надолго ль самому жизнь черная дана?!)

Луна чернеет. Гнев колеблет сердце скакуна!

До дна добро и зло изведаль я. Познал язык
Людей, добро творящих... Знаю рык
Зверья; змеиный шип; и птиц разноречивый хор.
И человеку с давних пор
Я в трудный час опорой быть привык.
Я колебанья тверди помню; и утробный гул,—
Когда с путей испытанных едва не повернул
Крылатый Пяндж! —

тогда я жителей Памира многих спас

И в серой дышащие бездны заглянул!

И, молнии косою подобный, я дороги обогнул
Земные. И — любой породы,—

благородный, многих обманул —

Коней! Оставил позади! И в бездорожье вечном скал

Я тоже проскакал — кометой просверкнул!

Мечтою о единстве души я связал,

Опасность, всаднику грозящую, я чуял, осязал,

Всегда джигиту верен был, ни разу павшего не сбил,

Дыханьем — слабых и усталых воскрешал!

Я дружбу сеял;

(пусть вражду разносит подлый раб!),

Я Душанбе соединил, Гиссар, Куляб!

И город благородный Бухару,

и Копет-Даг; и Небит-Даг —

С Памиром! — и в дорогах трудных не ослаб!

Летит Земля... И я лечу — поэтами уже полузабыт;

Им различим уже едва — не след, а свет моих копыт...

Но что там? — верба одинокая,

склонясь над тихою водою, спит:

На то она и верба! Сладок вербы сон...

Звенит Вселенная в ночи. Не поддается судеб ворожба

Уже прочтенью ока моего. Но славная судьба

Была моя! —

Вспахали мы с хозяином поля, полмира обошли...

Благословенна труженика жизнь!

И дом его, и поле! — и дороги всей земли...

III

— Куда вы мчите? — снова спросит встречный.

— Ясно, на закат!

Как всякий!.. Облачные реки о зеленых берегах

Не мыслят? — так и я не думаю о них...

И много поворотов есть,

водоворотов есть.

Но нет пути назад!

Я говорю вам: счета нет моим летам...

Нежданно людям я являлся здесь и там...

Где родина моя? Теперь она — весь мир.

Я — сын Земли. И дух ее. И мысль ее.

И загубить ее не дам!

Есть музыка. Ее уздой

Правимый — ввысь лечу под утренней звездой;

За ней, неуловимую, стремлюсь,

Не знающей узды! — до той черты

Невидимой, когда

С гармонией круговращения

сольюсь...

СОКРОВЕННЫЙ МИГ

В серости ранней весны
Пред затаенной в природе грозою
Мрак охватил всю округу
С ее сокровенной красою,
Мрак и неподвижность:
Ни птичьего даже дыханья! —
Не только там веянья ветра:
Ауканье тонет в молчанье.
Нет робкого даже ответа.

И только в саду лесника
На черемухе черной да синей
вспыхнули почки желто-зеленым
Огнем негасимым!

Затеплились сами, как еле заметные свечи
В сумерках необъятного и молчаливого храма!
Как свечи, зажженные здесь,
но видящие — далече,
Не угасая, но вырастая упрямо.

Что призадумался, ельник?
О чем замечтался, березник?
Что головой замотал,
краснотал,—
Свирельник, румяный бездельник,
С улыбкою неуместной
В тиши этой странной, чудесной?
Сотни огней немигающих
Перед природы насупленным ликом
В тиши напряженной —
Сотни зажглись — намекающих —
на перелом, затаенный
В миге молчанья великом...

ДОЖДЬ

Светлый, быстрый, долгоногий,
Переливчатый, веселый,
Подбежал к окну — и в поле
Мчит уже своей дорогой,
    Пыль — сердитыми клубками,
    Пыль — и здесь, и там взметая;
    Стройный, — звучными ногами
    Топоча, бренча... Взлетая...

О скрипач звонкоголосый!
(Видно струны — рук не видно!..)

О танцор светловолосый!
(Ветра нет — волос не видно!)

    Множествен в лице едином, —
    Где набрал ты столько скрипок?
    Над природой господином
    Стал — и вездесущ, и гибок...

Под твоими башмаками
Закипает в речке пена...
Полон радужных сверканий
Мир — твоя большая сцена!

    В нем мелодий столько чудных
    Ты пропел! И вмиг растаял...
    На пространствах, блеском скудных,
    Столько песен ты оставил!..

И уже когда исчез ты,
Ты не канул в волны Леты:
Слышу скрипки и челесты,
Слышу пляс под кастаньеты!..

* * *

В тумане светлом и теплом
Околица плавала ночью,
И прямо над вишнями, смело,
Туманные реяли клочья.

Над ветками черных черемух
Прял месяц прозрачную пряжу
И в облачных проемах
Лицо, словно делая кражу.

Грачи на деревьях молчали
До самого до рассвета,
Но, знать, и они замечали,
Что тайна свершается где-то...

Когда я под ясени вышел,
Мне чудились кашель, шуршанье;
Я в гнездах, казалось, расслышал
Грачей беспокойных дыханье!

Когда же лучами спугнуло
Завесы тумана в ложбину
И солнце открыто взглянуло
На дороги
согбенну
спину,—

То...— из обрывков тумана
Черемухи белыми вышли!
Черемухи... Но, нежданно,
С черемухами и вишни!

Мы долго стояли, как тени,
В тени журавля, у криницы...
Но отблеск весны и цветенья
Навек озарил наши лица.

В тумане светлом и теплом
Околица плавала ночью,
И прямо над вишнями, смело,
Туманные реяли клочья.

ПРЕДЗИМНИЙ БЕГ

Выпал снег и в ночь растаял,
Льдом дороги заблестали.
Чернь лесов и зелень луга
Разыначил, врозь расставил,—
Изменилась вся округа!

Словно школьник вдохновенно
Броским мелом нацарапал
Вычурные столкновенья,
Виражи дорог опасных —
Жутью пахнущих парабол,
Знаков, только сердцу ясных.

Три дороги бело-синих,
Три веселые кривые,—
Тройка быстрых белых линий,—
За холмом, задев осинник,
Там сошлись, как бы впервые!

Холм и рощу огибая,
Друг на дружку набегая

И на прочность намекая
Уз непрочных — перед дюжей,
Перед лютой зимней стужей,

И клянясь в единстве целей
Перед натиском метелей.

СЕРАЯ ЛОШАДЬ

Дремлет ива, едва отражаясь в пруду,
В темном омуте тонкие пряди полощет.
И осенняя меркнет звезда на лету,
И видна за рекою мне — серая лошадь.

Колоколец едва лишь звенит через мглу.
Рожь несжатая — в жгучих и пламенных росах.
И кругами — все ближе и ближе к селу —
Приближается Севера серая лошадь.

В рыжей дымке плывут голубые поля.
Лес недвижим. Легка ему желтая ноша!

Лист шиповника нежным огнем опала,
Кто там водит за рощами серую лошадь?

Спит под ясенем ветхий наш, старенький дом,
Двор увейн листвы бледно-желтой порошей...
На беззвучной планете, как в поле пустом,
Мне звенит колокольцами серая лошадь.

Где ее табуны? Что она? Кто она?

Что ей нужно? Амбары наполнены житом...

Но — волна за волною — туманов волна

Ее пестует в крае, трудами обжитом.

Вот приблизилась к дому она и ушла

В степь какую? — звенеть колокольцами в кошах?

И куда она песни мои унесла —

В поле дикое? — осени серая лошадь...

ВАРДАНЭ

За речкою поезд на Сочи прошел
при полудня белой луне,
Наполнив ритмическим грохотом дол,
напомнив о севере мне,
И полоз прополз, весь, как золото, желт,—
свернулся кольцом в стороне.
Тут в пятом часу запевают сверчки на станции Варданэ.

Тут в пятом часу запевают сверчки
о теплой и звездной ночи,
В колючем лесу и в садах у реки
звенят, как по камню, ключи,
Из облачной моря сентябрьской печи
метутся огни и лучи —
Оранжевые. И ночь на носу...
Постой, погляди, помолчи.

Художник суровый, но где же лазурь
на звучном твоём полотне?
Закат разъярен, по-осеннему хмур,
с малиновым в глубине
Солнцем — палящим валежники туч
на моря прозрачной волне.
Чем ближе закат, тем слышнее кричат
сверчки и дрозды Варданэ.

А море вздыхает, а море поет,
и празднует праздник вода.
И пляшет, и шумное кружево вьет!..
Что морю века и года?
И берега радужен стал поворот,
и гор потемнела гряда...
И ночь от садов и от моря встает,
и в высотах восходит звезда.

ПЕСНЯ МОРЯКА

Был ли я капитаном?

Нет. Но матросом — был.

Сам ставил мачты и сам же (э-гей!)

Я в бурю мачты рубил.

В ураганах, как птица, летал,

С буйной ватагой океан бороздил;

Плыл простором зеленым,

Серым простором плыл.

Море выплескивает из себя

Цветоподобных медуз,

Но раковина жемчужная

Всегда в глубине.

И во многие порты заходили мы

познавать кабаки.

И там пускали мы немедленно в ход

Тоскующие кулаки.

Тяжеловаты были наши кулаки;

Вставали на суше мы не с той, видать, ноги!

Зато, как чайки, на ванты

В море взлетали мы...

Море выплескивает из себя

Цветоподобных медуз,

Но раковина жемчужная

Всегда — в глубине.

Был ли я капитаном?

Нет. Но матросом — был.

Сам ставил мачты и сам же (э-гей!)

Я в бурю мачты рубил.

Многие годы, как вода, утекли,
Как волны ушли они, исчезли между скал,
Но разве теперь я знаю,
Чего я в море искал?

Многие годы, как вода, утекли,
Как волны ушли они, пропали между скал...
Чего же искал я в море?
Какую тайну искал?

...Море выплескивает из себя
Цветоподобных медуз,
Но раковина жемчужная —
Всегда — в глубине.

ВИДЕНИЕ ПОЧТЫ

На горе рябина зреет,
Колыбель туманов греет.
Над рябиной белый голубь
Кувыркается и реет.

Белый голубь... Сизый голубь...
Розовый!.. Нет, белый все же...
Иль конверт, летящий в небе,
Так на голубя похожий?

В руки даться мне не смея,
Выше, выше в небе рея,—
Ты кому судьбу гадаешь,
Солнечная лотерея?

Желтый, розовый и алый
Клен, в морозах одичалый,
Осветив,—
Пятно из света,—
Ты, как солнце, ярким стало!

И ударилось о небо,
Над землю завитало;
На деревья и на травы
Вести жаждущей дубравы
Белым инеем упало...

В жар черемух, в грусть осины...
И — в какой-то миг единый —
Вспыхнуло — и вдруг сгорело!
Лишь дыханье чье-то к небу
Светлым облаком взлетело...

...На сухую ветку дуба
Сел угрюмый серый ястреб.

ВЕЧЕРНЯЯ ЗВЕЗДА

Где-то в даях созрел виноград,
Бог вина одарил его блеском.
Но чему же и рад и не рад
Я, шагая сквозным перелеском?

Нет, не надобен мне виноград,
Его гроздья, огнем налитые!
Мои кони умчали, уплыли в закат,—
Эй вы, кони мои золотые!

Что ж я вдаль, как безумный, гляжу
За холмы над вечерним простором?
Ничего впереди я не жду,
Ни сейчас, ни во времени скором.

Но упрямая в сердце мечта
Все глядит огневые закаты,
Где поет и звенит горизонта черта,
Вьется пыль... Эй вы, кони крылатые!..

Как неслись, как летели они!
Что ж вы, милые, так торопились?
Степь цвела, степь зеленой была,—
Белым инеем травы покрылись...

Что же вдаль я гляжу, все гляжу?
Мои кони за сумраком где-то...
От судьбы уж давно ничего я не жду —
Или жду? Только нет мне ответа.

И восходит над рощей звезда,—
Я люблю ее свет отдаленный...
Жаркой пылью земной пропыленный,
Я люблю твою тайну, звезда!

СВЕРЧОК

То сладкозвучен, то сердит,
— Тиринь! Тиринь! Тиринь! —
Сверчок в углу моем сверчит,
Всю ночь сверчит, один.

Он в зной поет, поет в мороз...

Певца покинула жена.

Он никогда не видел звезд;

Была ему звездой она!

Как четыре черных уголька,

Песня бедняка прохожему горька.

Кинула жена артиста-чудака

В ночи зимние,— тиринь, тиринь,
тиринь...

Соперник дерзкий на нее
Накинул шаль надежд:
Умчал ее в свое жильё
Вдале от сверчковых мест...

Он в зной поет, поет в мороз...

Его покинула жена...

Он никогда не видел звезд...

Была ему звездой она...

День поет он, ночь поет, поет века...

Песня малыша уж до того жарка!

Нескончаемо течет мелодии река

В ночь осеннюю,— ой, ой! — тиринь,
тиринь...

Ой, не рыдай, чудак сверчок,—
Ужель другой любви нет?
Зачем печаль тебя влечет,
Как яд? Как горький мед?

Но заветную малыш любовь поет,

Чеканит золото печали, ой, не устает!

Вечером любовь поет и поутру поет
Песнь сверчковую: — Тиринь, тиринь,
тиринь...

Солнечно, прозрачно и тонко
И скудно, бедно, но... как река,
Ищет маленькая песня берега,
Песня скрипача-сверчка: — тиринь,
тиринь...

ГЕОЛОГ

Не гадали — молчаливый
мы такой увидеть остров!
Ветры нас по льдам озер сюда пригнали.
Обернулся ласковый зюйд-вест — норд-остом
И по глянцу льда утанцевал
В другие дали.

Словно здесь его вовеки не бывало,—
Ускакал, утанцевал, растаял...
Словно выхватил из городов,
Которых не было со мною,
В тишину забросил — и оставил!
С молчаливым псом,
с деревьями
и вышиною.

Тут, пожитками я беден, мыслями — богатый,
Буду днем трудиться, по ночам читая книги
В доме лесника, под месяцем рогатым.
Одинок мой остров средь озер великих!

А на западе-то месяц яркий из-за тучи,
Погляди-ка,— вышел сам как раз!—
Над лесом темным,
И еще черней стал старый дом, дремучий,
Лесника,— на острове, морозом опаленном.

Одинок мой остров, велика пустыня
Ледяная! — с каменными
Крохотными островками...
Одинок мой остров, но густыми,
А не скудными он прорастет весной —

цветами.

Волки воют? — пусть их ночью воют!
Ветры ледяные? — пусть их ледяные;
Мать-природа в душу мне вдохнула зною...
(Если тут алмазных копей не открою,
Полагаю, что сойдут и слюдяные!)

Одинок мой остров среди озер великих!
Одинок мой остров, но прожить тут — можно.
И красноречивы каменные книги —
    Скал высоких лики...
Здесь, где я у всех семи ветров на стыке,—
Городов огни в душе моей горят тревожно...

ЯБЛОНЕВАЯ СТРАНА

Носится ветер — кругами, кругами,
Солому разносит, смеясь над стогами,
Лист на деревьях, лист под ногами
Хватает,
Охапками лист ворошит...

Но вот весь обмяк,
Его дурь стала тише,
Лишь изредка бьет падунцами по крыше.
Ан в поле взгляни: кони белые!

Ближе!..

Все ближе их дикие табуны —
Стелются!
Выше и выше взлетают!
На стеклах-то снега пригоршни не тают,
Власть над деревьями обретают...
И вовсе не видно вечерней луны!

Все стихло.
Ах, быстро, воистину рано,
Скрылась трава и земля убрана,
Дарами непрошеного бурана!
И улыбается и виновато, и странно
Неубранная яблонева страна.

ПЛОТОГОНЫ

Мы в морозные
                                дамбу рубили
  деньки

У знакомого переката.
А с восходом уходим в верховья реки.
Багры наострайте, ребята!

Там край и богатый, и дикий,
Над протокой там старые ели
Видят пляску беспечной форели,
И на острове — камень великий.

Бережком каменистым тропинка бежит,
По трясинам расходится зыбким...
«До свидания!» — парень любимой скажи
И «прощай» — не скажи по ошибке...

Меня ль на порогах обманет
Поток и коварный, и шалый?
Или — ловко танцующий малый —
На плоту я промчу горловиной?

На лугах, возле старого бора,
Где вовеки коса не звенела,
Там черемуха черная
  скоро
Вся проснется в сиянии белом!

Там омуты крутит излука,
Там сосны летят золотые,
Янтарной смолой налитые, —
На стремнину,
                                как стрелы из лука...

Меня ль на порогах обманет
Поток и коварный, и шалый?
Или — ловко танцующий малый —
На бревне я промчу горловиной?!

И токует глухарь, и кричат ручейки,
Лось орет за холмом переката...

...Мы с восходом уходим
в верховье реки;
Багры наостряйте, ребята!

БАЛЛАДА О СТАРОЙ ЕЛИ

Еловая шишка — чешуйки из радуги!
Где ты росла? — Возле каменной Ладоги.
Я выростала на старенькой ели,
На камне суровом, под ропот метели.
В ливнях косых и в сиянии радуги,
Ранней весной, у рокочущей Ладоги.

Помню днем и ночью:
Облачные клочья,
Плеск волны и лунный свет.

Матушка-ель молоком нас поила
Из серого камня, из пены, из ила.
Матушка-ель нас качала, растила
И руны старинные нам говорила —
В ливнях косых и в сиянии радуги,
Ранней весной, возле каменной Ладоги.

Помню челн рыбачий,
Солнца луч горячий,
Беспокойный чайки крик...

Только достались нам годы суровые,
Годы суровые, бури свинцовые...
Пули от ветки меня оторвали,
А нежные руки потом — подобрали
И увезли меня в дальние дали,
На добрую память другим передали.

Помню час разлуки,
Новой речи звуки
И чужой уютный кров...

Но не забыла я отчего края,
Где выростала я, с ветром играя.
С ветром играя да зори приветствуя,
Там проводила беспечное детство я!
В ливнях косых и в сиянии радуги —
Там — возле Ладоги,
каменной Ладоги...

ПРЯЛКА

Скрип и пенье прялки в облаках кудели...
За окном вразвалку катятся метели —
Шарят в старой балке, в поле, возле ели...

А потом вразвалку мчат, со свистом, к дому —
Нагоняют скуку, страх, тоску и дрему...
Верой и терпеньем нити путь размечен.
В рокоте и пенье — вечер бесконечен.

И горит лучина... Бесперывно тени
Скачут беспричинно в страхе и смятенье...
Свет дрожит, мигает, невзначай потушен;
Тени убегают, словно чьи-то души...

Словно чьи-то души... Вновь огонь засвечен.
Вьюга думы глушит, вечер бесконечен.
Да и кто он? Вечер или тьма ночная?
Тороплив и вечен, как волна речная...

Книгу бедных теней молча я листаю
И свое смятенье на стене читаю!
В нем трепещут крылья (путь их — неизвестен)...
После в нем открыл я целый кладезь песен.

Этих долгих бдений — грех мне! — а ведь жалко.
В окруженье теней — матушка за прялкой
Ночи коротала...

Но в стране далекой
Чайкой одинокой
Мысль ее витала...

Мысль ее витала и была со мною...
Буря пролетала надо всей страной!

* * *

Осени желтые ветры
Деревьев смычками коснулись,
Встало
И вдруг заходило
Красного лета светило.
Качнулась земля под ногами.

Над красною дикою розой,
Над желтою дикою розой,
Над белою дикою розой
Небо склонилось.

Тут солнце за белой березой,
Гибкою белой березой,
Легучею белой березой
Остановилось.

И флейта тоски — вся замедленная —
Чайкой белой плывет над низиною,
Звуком — долгая, болью — мгновенная,
Взрыв над желтой и рдяной рябиною...

Кто там в бубны тяжелые бьет?
Это музыка,
Музыка.
Музыка!

Из деревьев,
Из каждого кустика,
Из холмов одичалых и вод!

Многоцветна, но всюду прозрачная,
Многощедрая, не однозначная,
В вихрях осени гимны поет!

И в ущельях трубой надывается,
Но утихнет
и — обрывается...
А земля-то под ветром качается,
Желтый лист по дорогам метет...

ЛЕБЕДЬ

Дни и ночи летние улетели прочь.
Слышу клики лебеда, слышу день и ночь!
Где ты, песнь победная, как весны прибой?
Птица моя бедная, что это с тобой?!

С глянца вод холодного, в северную даль,
Горькая, свободная — все летит печаль...
Лес красой не радует, а пригож — до слез.
Прямо в душу падает золото берез.

Что душой утеряно? Где для сердца щит?
Камень серый берега знает, да молчит.
Все пройдет, все стерпится. О судьбе слепой
Камышинки шепчутся тихо меж собой.

Осень эту длинную надо превозмочь!
Песню лебединую слышу день и ночь...
Песня небогатая над рекой без дна..
Но судьба крылатая
Песне той дана!..

РЕЧНОЕ ЭХО

Н. М.

Льдов последних веселые звоны
Для души обнаженной легки.
Слышишь? — песню поют плотогоны.
Над движением близкой реки.

Слышишь? — вырвался голос из хора
И ручьем по ложбинам кружит...

Меж холмов заблудился, но скоро
Над стремниною снова бежит!

И удалая, вольная песня
Будит сонную раннюю глушь,
И заря изумрудная вешняя
Звенит по созвездиям луж.

И мосточки скрипят деревянные,
И звонка еще крепко земля!
И летит над скалою, желанная,
Песня первого журавля!

Будет все тебе: близкое море,
Голос далей и вечный прибой,
Будет все! Но сегодня со мною
Ты старинную песню пропой.

Вот и птицы в родимые гнезда
Воротились... К чему петь печаль?
Ой, не знаю,— но в долах подзвездных
Этих рек уходящих мне жаль.

Слышишь? — вырвался голос из хора,
И, как ветер, по рощам кружит,
И пропал, и угаснул... Но скоро —
Над стремниною гулкой дрожит...

Льдов последних веселые звоны
Для души обнаженной легки.
Слышишь,— песню поют плотогоны
Над движением дальней реки?

ЖЕРЕБЕНОК

Был жаворонком луг звенящ,
И луч резвился в звездных росах,
Сверкающ, мягок, жгуч, горяч.
И был восход прохладно-розов.

Хмельною флейтой стригунок
Проплакал... Млека дивный хмель
Его у материнских ног
Свалил в ковыльную постель.

Как благовест, глас кобылицы,
Как смех, как вопль, вошел в луга,
Почтеньем странным полня лица
Прохожих... Гневен для врага!

Конек зарей был переполнен
И звуком — и движеньем был...
И что вошло в него, запомнил
И в дальних градах не забыл!

Крылатый конь!
Где твой колодезь? —
Любви простое волшебство?
О эта греза о свободе,
О зорь простор!.. И — торжество!

Едва он вышел из тумана,
Узнав, как чайка, даль и высь,
Как над лугов притихшим станом
Звезда и волны мглы сошлись.

Ты, речка, в зное дня тяжелом,
Огнем небесной синевы
Горящая! Ты, лес! Ты, поле!
О нем ужель забыли вы?

НЕУНЫВАЮЩИИ КЛЕВЕР

Неунывающий клевер,
Нежно-лиловый,—
Листьев точеных зелень густая!
В народе светящемся, желтом и синем,
Иван-да-марьи,
Стоишь ты, дымчат еще от сна,
Но росой уже блистая...
С добрым утром!

Великолепен клевер...
В листьях то долгих, то овальных,
А рядом — одинокая ромашка
В цветах иван-да-марьи.
И снова —
Неунывающий клевер!
(Я никогда не видел его печальным!)
И все смотрел я: о чем они здесь толкуют?
Приветливы и вроде бы тихи,
Среди румяной гречихи,
Но чувствую: смеются, ликуют...
И понял я — говорят они:
«С добрым утром!»...

А в тени орешника темной,
У холмовых подножий
Они похожи:
Одни — на очень далекие,
Другие — на обманчиво близко
Мерцающие звезды...

Так похожи!
И качается между хрупкими
Их мирозданиями —
Воздушное создание,

На тонкой ножке
Вежливый колоколец:
«С добрым утром!»

Лес и высок, и светел,
И сумрачен в нишах.
Чем пахнет?..
Пахнет травами всеми,
И всеми деревьями вместе,
И всеми смолами, всеми цветами...
И — торфом.
И (возможным!) запахом гари.
Мир — словно в ударе!
Лето в разгаре!
«С добрым утром!»

Здравствуй, старая воронка,
Нырющая в редкий орешник!
(Здравствуй, ветеран,
Украшенный Мышиным Горошком!)

Ведь была ты, воронка, честным окопом.
Сотни штурмов отразить готовым...
Слава богу, те годы миновали...
Здравствуй, мирная, добрая мята,
Увитая птичьим пеньем,
И, с приветом сюда грядущий,
Неунывающий клевер!
«С добрым утром!»

О клевер!
Неунывающий клевер!
Ты — прекрасен!

МОЙ ВОРОНЕНОК

С вороненком сижу на бугре.

И железнодорожной

Линии поворот прилежно пишу, осторожно,
Березы пишу над рекой колени, и пишу вороненка,
Свежестью утра дышу и слышу, как звонко,

Весело и настойчиво, стыки чугунные перебирая,
Поезд летит, ритмы строк моих перевирая,
Поезд зеленый летит... Он уже за дугой поворота!..
Брызгаясь солнечной пылью,
С березой, с травой охота

Речи болтать ему, всякие сплетни плести, и судачить,
С рельсами трёкать —
мирного пассажира любую надеждой дурачить.

Пусть его! Весел? И пусть его весел!
Май своих листьев зеленых гирлянды кругом поразвесил!
Мой вороненок в траве копошится, кружит, куролесит,
Разгуливает неспешно,— ибо жить ему долго-предолго!
На травах зеленых — солнце святых поднебесий,
Что мир обогрело, озеленило, холмы и поля осветило;
Как дворника рано встающего,
работающего честно и с толком,
Благословило его
И в долголетье билетом зеленым своим наградило!

Радуйся, мой вороненок, в зарослях

Ковыля, лопуха, иван-чая,

В зарослях знойного, терпкостью жизни пропахшего
чернобыла;
Солнце, планету качая, пути обходя и все примечая,
И тебя, вороненка, улыбкой своей одарить
не забыло!

ШАХТЫ

Сюда не добегут ни лето, ни зима,
Ни смех, ни плач берез юдольный:
Лишь лампочка пройдет по гулкой штольне
И след за нею замедляет тьма.

Здесь капля вечности летит
за мигом миг
И точит прочную подошву штрека...
Подземный город и пустынен,
и велик,
И крепко удивляет человека!

Тут редко слышен вагонеток
гул и гуд.
Текут и над тобой и под тобою — реки...
Но жизнью тихую еще живут
Квершлагги, бремсберги и штреки.

И ствол работает, и освещен рудвор,
И, в голосах забоев дальних,
отзвук славы
Не умирает с тех далеких пор,
Как на гора был выдан уголь
первой лавы.

И вот
В забое дальнем песню грубую поет
Отбойный молоток, прерывисто, но споро,
И вот —
Потоки угля в вагонетки льет
Безостановочная лента транспортера...
И на стене забоя, гибкий, вдруг мелькнет
Рисунок папоротника, чеканно-точный,—

ЗАКАТ

Конница тумана мчится по ложбине:
Ветровые гривы серебристо-сини...
К стелющимся гривам всадники прильнули,
Из лозовых луков на закат стрельнули;
Небо загорелось и тотчас погасло...
Только месяц метит жердочку и прясло,
Да звезда мерцает точкой одинокой
Над последней хатой, за степной дорогой.

...Вдоль речной долины, близко от кургана,
Тихо спит дружина древнего тумана.

КОНИ МОРОЗА

...И лед рокотал — как из пушек палил,
Когда к нам Мороз по озерам катил
На тройке гнедых белогривых коней,—
И слышались крики, и скрипы саней,
И звон бубенцов, и бренчанье удил...

И радость в тех звуках была, и испуг,
И трещин разводья бежали вокруг
Широкой канавой, текучей рекой,
Пугая гнедых под резною дугой...
И молк в отдалении выстрела звук...

И сверху, любуясь ночным ездоком,
Глядела луна с голубым ободком,
И ехала рядом на звездных конях,
На звездных конях, на зеленых санях...
И вспыхивал Север студеным огнем.

Звенели полозья... Быстрей, все быстрей!
Как мчали те кони! Лишь пар из ноздрей!
Огонь из ноздрей! — разудалая прыть...
Нам зиму спешил наконец подарить
Мороз — из-за гор и холодных морей.

ЯВЛЕНИЕ СУМЕРЕК

На ниточке клюквы
Огнем загорелась росина.
И чадом глухих испарений
Заблагоухала трясина.
Морошка — медовою спелой своей желтизною
На мхи нагнала небывалого позднего зною!

Но мне недосуг наблюдать эти танцы
И пляски бушующих красок.
И хорошо! — ведь иначе я сгинул бы
От лихорадковых трясок!
Витают
Дурманы над желто-зеленым болотом
И раны души усыпляют
Своих воскурений полетом...

На бархате кочки, однако, зима мою кровь
Пронизала:
Головка гадючки
цветок восходящий лизала...
День дрогнул,
Как воин сраженный,
и набок
Свалился, дыханьем ее обожженный...

Тень страха через лунный свет,
Снег простегав петлюю,
Промчала... И, сойдя на нет,
Исчезла за ветлою...

...И гаснут светы деревень,
Чуть внятен краткий сдвиг их,
Дарующий покой, и лень,
И ширь равнин великих...

Но все ж горят в двух-трех домах
И дышат, как живые,
Огни... Как добрых душ размах —
Огни сторожевые.

ПЕСНЬ О ПОСЛЕДНЕМ СНЕГЕ

Апрель сверканья полон был,
Апрель сверканья полон был,
И хвоя высохла уже на елях,
    И снег зимы давно забыл
    Свое кружение в метелях
    И тихо, лежа, воздух пил...

Ах, снег последний, серый снег,
Апрельский снег, весенний, синий,
Ты горько доживал свой век
Под елями, в сырой низине.

А вспомни утро февраля,
А вспомни утро февраля,
Тогда был праздник твой великий!
    Ты был щедрее короля,
    Летел, как гений светлоликий,
    Любовь и музыку даря...

Ах, бедный снег, последний снег,
Стопами ног чужих попранный!
Где танец твой? Твой легкий бег?
Ручьями льются твои раны...

Теперь твой путь к реке, к реке,
Теперь твой путь к реке, к реке,
Ночуешь ты, бедняк, в овраге,
И о тебе, о старике,
Кто вспомнит? — о таком бродяге
В дырявеньком дождевике?

Все, что имел, ты раздарил
Тому позорищу, в котором —
Пока пел песни, говорил,
Плясал — великим был актером!

— Ха-ха! Какая, — скажут, — ложь!
Ха-ха! Какая, — скажут, — ложь!
Он не дарил, он сам был нищий,
Всегда готовый ни за грош
Скакать, плясать вокруг жилища...
Убогий! Что с него возьмешь?!

...И ты пошел, пошел в овраг
Своей походкой тихой, зыбкой.
И яркий представленья флаг
Спустил с язвительной улыбкой.

ОЗИМЬ ГОЛУБАЯ...

Озимь голубая, а туман белесый.
Осень наступает. Клен светловолосый
На горе мерцает...
Травы почернели на речном откосе.
Тучи обнаглели — ветлам лизут косы!
Тучи, чернорожи, привели туманы:
Ни зима, ни осень...
Стал на сон похожим
Край обетованный.

Тропы и дороги замело туманом.
Человек блуждает в море первозданном —
В хаосе холодном, где размыты грани
Низких и высоких мыслей, чувств, желаний...
Кольца пней в печали желтой обнажились,
Будто бы ночами вновь им звезды снились,
Будто бы к вершинам световые струны
Шли — и пели радость древней лунной руны.
Словно звезды весен вещими ночами
Спиленной березе вечность обещали;
Обещали вечность — в радости, в печали...
Как лучей их струны по ночам бряцали!
Кольца пней в печали светлой обнажились,
Будто бы ночами вновь им звезды снились!
Снился им подснежник,
Зябкий, робкий, ранний...
Смерти неподвластный мир воспоминаний.

ЗЕМЛЕ

Целую пыль твоих дорог,
И звезды над тобой целую,
И жизнь, в которой я продрог,
И тяжесть зноя злую.

В любви и в счастье ты видна
До дна мне и до краю.
Ты для меня совсем одна,—
Других я не узнаю.

Да, не узнаю я других.
Но в смертный час, без сожаленья,
Войду в курган твой, словно скиф,
Чтоб жить и после погребенья.

Умру ль в пути, умру ль в бою
Иль просто изведут собратья,—
Но душу грешную мою
Ты примешь пламенно в объятья.

Затем, что я тебя любил
В нарядах и в позорах вретисц
И чистой скорбию скорбил
О злых безумствах твоих детищ.

Целую пыль твоих дорог,
И звезды над тобой целую,
И жизнь, где горько я продрог,
И тяжесть зноя злую.

* * *

Над Москвой облака высоки,
Над Москвою ревущие зори,
Над Москвою — небесной реки
Острова! И небесное море...

И шумит, и вздыхает Кольцо
До полуночи тяжким прибоем.
И текучи душа и лицо...
И бессильно тут слово любое.

Только главные ритмы лови!
Но сознанию откроется бездна.
И зачем говорить о любви?
О любви говорить — бесполезно!

И не нужно о ней толковать,
Несказанное словом рисуя;
Под прицелом эпох — токовать
И насвистывать дерзко и всуе.

С обнаженной пройду головой
В граде каменном утром ранним.
И пройду по его мостовой,
И таинственными
Его дворами!..

Тут мне радость узнать довелось.
Боли? Пусть. Не заплачу, не вскрикну.
Этой вечности временный гость,
Никогда я ее не постигну...

Даже грозной грозы не робев,
Жил я, древу подобный и стеблю.
Потому — только песню пропев —
Я уйду в эту вечную землю.

И не скажешь: чего ради для
Жил, рожденный с душою солдата?
Что изведаль?
Обильна земля
И сердце высотой богата.

На высокую гору взойду,
Ту, что вечной горой разумею!
И — смущенной зари на виду —
Назову эту землю своею.

ОБОЗЫ

Есть памятные миги и в зимнем
Ненастье... Смирилась метель...
Под жгучей звездой видны мне
Береза и темная ель.

В сверканье поля я выйду
(Иначе ведь — не засну!) —
По насту — послушать завывы
На полную волчью луну.

В холод поля — из дыма хатенок,
Где лучина развеет ли муть? —
Под луну!.. Из неверных потемок,
В поля яркую гулкую жуть.

...Искрятся высокие горы
Сугробов. Снега — глубоки.
Военного детства годы.
Поле строгое — голос тайги!

И все та же тайга за оврагами,
Тропы заячьи за темный овин...
О нечистом — сказания разные
В лютой тверди сибирских равнин.

Треск морозный, Ночные обозы
По скрипучим снегам сквозь село
Катили. И не спалось мне:
То не чудное ль чудо текло —

По сугробищ барханам неровным?
И кричали полозья в ночах! —
Хлебом, сеном груженные дровни —
Журавлиные плачи в речах.

И не предали гривами кони,
И легка ли была их рысца?
Из каких деревень за рекою
Шли обозы в свой путь без конца?!

Путь в морозах тяжел, но отраден:
Дар тайги, дар сибирской земли,—
Все в тулупах — деды стародавние —
На Ачинск — для фронта везли.

В каждом — память военных кочевий.
В каждом дремлет природный язык.
Не рожден ни в степи, ни в ковчеге,
Там я к звукам заветным приник.

ЖИВОПИСЬ ЛИСТА

Лист черемухи — алый, золотой и зеленый,
Кожу черную гибкого затуманил ствола.
Это осень пришла, брат,
Грач мой, в поле влюбленный,
Это осень пришла, это осень пришла!

Это осень вошла в круг забот наших суетных.
Промочи свое горло водицей речной,
Еще зелен камыш над которой сутулится,
Где мерцают осины во тьму желтизной!

Это осень своим волшебством обволакивает
Твою звонкую рощу, овраги, межи.
Над гудящими зноем,
Над жаркими злаками
Просквозили неслышно комбайнов ножи.

Это осень пришла. Золотыми потоками
Закрома налила, сушит ветхий твой дом.
Ты — как странник убогий:
Кроток вид твой нестрогий
В крае пашен твоих, в твоем мире святом...

На мостки ты присел в полдня кратком забвении —
Одинок,
Твоя стая гомонит у скирды.
Тебе нужен глоток этой темной осенней,
Обновляющей душу, студеной воды!

Уж не те ли же звезды судьбинами нашими
Управляют в коловращении дней?
Рождены тем же солнцем
И теми же пашнями
Для забот мы великих, для скромных речей.

Крепок клюв твой,
Блестит крыло вороненое,
Как черемухи ягода, черен твой глаз.
Лист чермухи — алый, золотой и зеленый,
В нем зарей полыхает, и печалит он нас.

На мостках посиди — в полдня кратком забвении —
Одинок.
Твои дети гомонят у скирды.
Тебе нужен глоток этой темной осенней,
Обновляющей душу, подземной воды!

ДЕТСТВО

В чем тайна рождения раннего космоса?
Где сеется — радости ради! и косится
Рожь золотая?
Кормилец-картофель
Не делает тонким работника профиль! —
Но в речь его — круглою тяжестью просится.

Все, что сажается, всходит и вяжется,
И сердцем увидено! —
В нем же и скажется.
Ум дерзок. Природа щедра и богата.
Было посеяно — будет пожато.
Не для того ли и песни поются,
Чтоб в запредельное детство вернуться?

Ах, детства пора — гул просторного торжища,
Где помощь потокам — в суть тайны их творчества
Дружески ярое проникновение:
Театр — огромен, а день — лишь мгновение.

Но сколько в мгновенье том красок несбыточных,
Слов темных:
Обозных,
Шатровых,
Кибиточных,
Кузнечных, чердачных... И прочих сокровищ!
Детство само свои радости строит...

Так, перца побег — это пламя огромное,—
Не мыслит пустынным пространство объемное!
Детство — поэт. Его речь, горяча,
Открытий нежданностью реки наполнит!
Бог весть что читает в полете грача.
Картинами — мыслит. И звуками — помнит:

Высокие ль трубные заревы лося,
Иль ласточек быстрые черные молнии,
Шляхи ль, овраги ли волчьи меж селами? —
Колес увязанья в следы от полозьев,
В дерзаниях весен —
Звон первых колосьев
И крик журавлиный ручья!

ЛЕН

Памяти Сергея Есенина

До свиданья, мой лен, до свиданья,
До зеленой, до новой весны!
Белый лен мой, пора увяданья
Навевает багряные сны...

Спутник детства далекого, раннего,
То ль с полей, то ль с небес высоты
В бубенцы ты названивал странные,
Зим прохладных дарил нам холсты.

Ведь по всей необъятной России,
Взгляд, бывало, куда ты ни кинь,
Там из неба таинственной сини
Ткал ты нежно-лиловую синь!

Внятен был, как струенье метелей,
И прохладен, как чудо зимы,
На полянах золотых среди елей,
Среди жаркой задумчивой тьмы.

Лен-кудесник, смешной, как мечтанье,
Как мечтанье, святой и простой,—
И в комбайнов неласковой длани
Ты сияешь, как встарь, молодой!

О таких говорят: «Семижилен!»
И ласкают в великой Руси...
О, в каких тебя ригах сушили!
А бивали! Господь упаси!

Не сдающийся в жизни собачьей,
Но вынослив, как всякий святой,

Опален ты и степью горячей,
И холодную синей звездой.

Помнишь, были тобою овиты
Тропы радостью брезжущих лет?
Жаворонков ткачевые свиты
Колдовали наш дивный рассвет!

Но ведь осень пришла. До свиданья,
До зеленой, до новой весны!
Верный лен мой, пора увяданья
Навевает багряные сны.

Мы уходим, мы в дали уходим,
Говорим же: покуда... Пока...
Наш напев только рощам угоден,
Но, чудак! — им название — века.

МИСТЕРИЯ РЫНКА

Янтарная гроздь.
Попугайчик.
Лазурная кринка.
И стеклодува звенящая ваза...
    О живопись рынка!
    О празднество глаза!
Собрание хозяев, хозяек... Шпаны!
(Японские куртки, льняные штаны...)
Фургонщики, толпы нарядных зевак...
    Безбожных кочевий
    Великий бивак!

Гитара!..
К чертям и клавир и пюпитр!
Взлетел на прилавок седой композитор
И пьесы народу
Играет — за так!

...Арбуз астраханский, арбуз из Казани,
И перец кубанский, и... «Что вы сказали?
Лук из Ростова?..» — в гирлянды покорно
И образцово
Китайские косы
Он сплел. Но задорно
Глядит: элегантный и золотилицый
И малость раскосый... «Какая столица?
Кто из столицы?..»

Торговец лукавой улыбкой лучится;
Лук жив!
И беды на земле не случится!
...Тут лавр и чеснок, помидор и горчица
Играют соцветьями тысячи радуг...
Медведь, что на мед неумеренно падок,

Громадным клубочком
К бочонкам да бочкам
Катит... А за ним волочится вожатый,—
Как пень, коренастый, как лес, бородастый.
...Галактики мчатся, планета кружится...

Торговцы!

Не делайте грозные лица!

Хозяева меда,

Хозяева меда!

Дайте медведю медком похмелиться!

Он тоже хороший,

Он тоже пригож —

Звезда балагана,

Плененный Гаврош.

«Измазался золотом, как холст богомаза!...»

О живопись рынка!

О празднество глаза!

...Хозяйки с корзинкой, с авоськой, с лукошком
(Для всяких там шкварок собачкам и кошкам).

С мешочком, и с сеткой, и вязаной сумкой —

С картинкой-виньеткой:

С Эйнштейном... с да Винчи,

С Пречистою Девой...

С рисунками к притчам;

С Адамом и Евой...

С Мадонною, тиснутой у Рафаэля...

О запах безумства базарного хмеля!

В невиданных венах,

В немислимых жилах

Рядов бесконечных,

Как пена, бегущий!

Тебя описать я хотя и не в силах,

Но зов твой хочу рассказать всемогущий!

...Висят и лежат бычьи тучные туши.

Над ними витают гурманские души,

Подобные ангелам, жаждущим пира;
И яств и напитков греховного мира!
Поджатые губы и постные лица...
И жертвенный пар под носами дымится.
«То жертвенный бык! — не свинья! И не овен!
Юпитеров жир для жратвы безгреховен:
И в разговенье, и в пасху, и в пост
Для потребленья и вкусен и прост».
...Задумчив детина с башкою Сократа:
И денежек жалко, а выложить — надо!
Гляди, засиял! (Где голландца палитра?)
«Сократ» сэкономил как раз на пол-литра!
Румяный мясник тоже очень доволен.
(Он мясо увел из чужих мясобоев.)
И молвит он так молодому Сократу:
«Вы очень удачливы, быть вам богату!
Везет покупателю — вашему брату!
Вы очень удачливы, быть вам богату!...»
Жулик,
Бумажники ловко арканя,
Кроткие дарит народу улыбки.
Мир натуральный.
Реальный, но — зыбкий!
Тут плачется флейта в аккорды органа,
Дугар вопиет и рыдает зурна,
Смешеньем языцев поражена!

Не то купидончик, не то херувим,
Южный цветочник студент Ибрагим
Со взором алмазным (из льда и огня!)
Кричит:
«Наше лучший! Бери у меня!
Цветы наш кавказский бери у жены!» —
И машет букетом в простор вышины...
Торговка с улыбкою: «Масло и мед!» —
Ложку в уста хулигана сует.

В кармане его на аркане блоха.
Хохочет:
«Тут жизнь уж не вовсе плоха!
Уж трюшечки ты почекай, брат, стой;
Слово да за слово и — на стой!..»

...И, в ясных одеждах, подобные чуду,
Звезды балета кружатся повсюду
Среди алтарей кулинарного ада;
Им тоже немножко безумия надо! —
И хочется быть при каком-нибудь деле...
Ведь зрелища мира уж так оскудели!
Зачахли, как теса худого доска.
В театрах царят Режиссер и Тоска.

...За образом ангелов — образы беса —
Сольются в единстве — и снова роятся
(Двоятся, троятся и — глянь! — четвертятся!)...
«Астрахань, Харьков, Тамбов и Одесса,
Все — налетай! Слушай речь мою, братцы!
За так отдаю вам кольцо золотое!
А злато с печатью, а злато литое...
(Доступное всякому из оборванцев...)
Пять жалких червонцев и семь карбованцев». —
Но дама в прозрачных порточках шелковых
Распутала вмиг эти чертовы ковы:
Нечистого этак и так обошла —
За пять червонцев колечко взяла!
(С медяшкой! — в богатые дали ушла...)
...Колечками, кольцами дым закурился:
Бессовестный бес, как вода, испарился!
Но пальцев с полсотни окованы медью.
«Его бы вот в клетку да плетью! Да плетью!..»
Какой уж там плетью?!
Он скрылся, злодей,
Злато кующий из ржавых гвоздей!

(О бедные люди! Его не ищите
И о защите
Христа не просите!
Врага не вините в коварном обмане:
Обманы гнездятся в душе и в кармане.
Вот за ногу бес вас и тянет с небес.
Уж тут не поможет и ОБХСС.)

...Ах, солнышко, солнце — большой апельсин!
Базар многолюден, а я — весь один...
Ах, спойте мне, птицы, о древе зари!
Да здравствует леший, а дьявол — умри!
Злосчастный!
Пределы Вселенной покинь!
Аминь!

Любит Ростов, обожает Одесса
Тех, кто в науке игры ни бельмеса.
И если вам встретится бедный Пьеро,
С ним ухо, ребятки, держите остро!
Он может работать и этак и сяк —
Петрушка, Петрович, известный босяк!
И если вы даже не идиот
(А светоч и гений!), он вас обведет.
Петрушка — известнейший всем сукин сын:
Придете одетым, уйдете... босым!
И дело-то, собственно, не в барыше.
Нет! —
Зритель доверчивый нужен душе!
Что золота звон?
Что нам блеск серебра?
Петрушкина жизнь — удалство да игра!

Но если Петрушка чего и стянул —
Он в тысячу крат вам добром возвернул.

(А ты, наважденье нечистого,
Сгинь!

Присно, и днесь, и вовеки.
Аминь.)

О жизнь пилигрима!

(Бродяжкина жисть!)

Аист украл виноградную кисть...

Аист мой, аист,

Куда ж ты летишь?

Ты, море, — куда свои камни катишь?

Звездный цыпленок рыдает в груди.

И трудно — а надо уйти.

Янтарную кисть оставляя за сценой,

Я к морю отправлюсь, шумящему пеной,

Пойду я мечтать под ночными ветрами

О гроздиях звездных в мирской панораме...

Но сердце мое не расстанется с вами,

Театры народные.

Амен.

ГОНЧАР

Кто помогал тебе, гончар,
когда на вазе
Ты кистью набросал вакханок быстрый хор?
Цимбалы их названивают,
плачут флейты
и не молкнут цитры до сих пор:
Тут пение и пляс
Переплелись в божественном экстазе...

Никто теперь, гончар, уже никто — ни в коем разе! —
Твоих флейтисток, плясунов твоих не повторит;
Рисунок их летуч и звучен, и подвижен колорит.
Единство места, времени и цели
Тут съехались с благословения харит
И не без помощи Отца Комедии — Аристофана...

Ах, как гнусавили волынки там, как лихо лиры пели!
Поют! — ничто из дивных ритмов не пропало;
Сияют смехом лица, ветер

развевает платья, волоса,
И свешивается прямо из кувшина

Дионисова лоза,
И влагою божественной звенит сам Дионис
из недр сосуда!

Из бедной — формы не имущей — глины! —
и создать такое чудо!

На всех изделиях твоих — высокого художества печать.
Но ты художником себя не мыслил величать;
Сам глину добывал, замешивал;

сам лаки изыскал, и краски,
Сам круг вращал, сам испытал печи творящий жар,
Лепил посуду, статуэтки, маски
И рисовал Орфея, нисходящего
за Эвридикой в мрачный ад...

Ты был богат,
Гончар!
Вослед Гомеру — как никто на свете, был богат!
На Адриатики лазурных берегах
Ты, в простоте души своей,— из глины! —
не из золота и бронзы! —
Но вылепил и — сам! — такой разрисовал сосуд,
Что наш, людской,— его судить уже не вправе суд.
А суд богов ему давно не страшен грозный.

ВОДОПАД

Сползая с круч, вопит поток
О чем-то тяжком, мощном, многом...
Как в креслах каменных сам бог,
Клянуший год, когда стал богом!

О скалы бьет плечом и лбом,
Как брата загубивший Каин,
И в иступлении слепом
С волною мечет в пропасть камень.

Забыв с неведомых времен
И смех, и пляс, и всю беспечность,
Как Прометей он обречен
Страдать и час, и год, и вечность.

Он людям дал огонь и жизнь,
И все — в рожденьях мирозданья...
Малюет низ его и высь
Турист, не зная состраданья!

Он, жалкий денежный мешок,
Там с объективом суетится,

ДЕЛА

Зардел боярышник, и липа отцвела...
Да некогда взглянуть на них:
Дела, дела, дела...
Дела защиты. Никогда — не нападения!
Поэту для чего неутолимое хотенье
Жизнь защитить природа-мать дала?!

Диалектичны и просты деревьев связи:
Тень дерева я, защитив росток зеленый, разве —
Не за народ? (Ведь я — народа тень весома!)
Не я ли — за моря его и сушу?
Не за поэзии ль его неумирающую душу?
Не за добро, которое сильней
бессмысленности зла?

Народа тень, любого умирающего дерева я —
Тень говорящая, пою, безумие преодолевая,
Не разрушения, а созидания дела.
Нет проще ничего, чем связь миров разъять!
Но дабы все соединить, где силу взять?..
Где взять два мощные крыла?.. Дела!..

Поэзия — воистину серьезный бизнес!
На волоске неразрешимой мысли виснешь:
Против безумья где универсал — идея?
Довольно ль против атома всей мощи Прометея?
И что против нейтронного Нерона
чаплинский герой?

ПУТЬ

Собранья птичьи речь ведут
О всех делах, что были летом,
И вспыхивает дерево — то там, то тут
Осенним несказанным светом.

Перед деревьями замедлим шаг,
В полях осенних шаг замедлим.
По прихотливым тропок петлям
Замедлим путь свой на большак!

И тишины в душе быть должен
Суровый мирный уголок...
По рощ задумчивых изложьям
Сойдем к реке в Зеленый лог.

Река еще туманом дышит,
Туман из уст ее летит.
Зыбучий мост нас проколышет,
Привет привычный проскрипит!

Не горб, а речь — его начало.
Он вежлив, сколь его ни гни...
В воде прибрежной величаво
Плывут черемухи огни.

Против течения напрягся
Пескарь — малыш, но озорник,
Свет утра плавлен, мягок, ласков,
Как ставший Волгою родник!

Не всех трудов равны итоги —
Преодоления важны.
В мальке — воды зеленой боге —
Все жизни прихоти видны!

День, приоткрой нам тайны днища:
Огню сплошной покой нейдет!..
Душа в бореньях мира ищет
И лишь в борьбе его найдет.

Душа созвучна птичьим стаям,
Где каждой стае — путь свой дан.
И одинаково похвален
Путь к недрам,
К дальним путь звездам!

МЕСЯЦ

Как за тучей темно-синей,
Над соломенной хатой,
Над шумящею осиною —
Месяц встал козлом рогатым.
Выходил-то он степенно —
Встал... И вмиг куда-то делся.
И за тучей переменной
Вновь возник и завертелся...
А потом остановился
Над мерцающей дорогой;
Что-то вспомнил, умилился —
Подмигнул звезде далекой.
Три... Четыре... Пять... и десять —
Звезд открылось на просторах;
По волнам небесных лестниц
Пробежался легкий шорох.
(Словно там траву косили —
Тихо косы голосили.)
На меня упал с осины
Желтых листьев легкий ворох...

Зренье мне обдав свеченьем,
Листья наземь улеглись...
Что гадать нам о значенье
Этих нежных желтых листьев?
Горек запах этих листьев,
Петь печаль в пиру готовых,—
В октябрей повадках лисьих,
В месяца прыжках козловых.
Запах и пьянящ и ранящ,
Запах терпкий, запах винный,
Душу музыкой тиранящ
И звенящ над всей долиной!
...Не играет месяц в прятки
С ветром, ускользнувшим в рошу...

Что-то в мировом порядке
Сдвинулось сегодня ночью.

УТОЛЕНИЕ ЖАЖДЫ

Тучи сердиты и тяжестью вспучены,
Шапкой — на россыпи сел нахлобучены.

Зелень черна, и сверкает весь дол...

Капля упала — и шорох пошел!

Шум идет по земле зеленой,

Шум и шорох!

Вихри танцуют по кровлям сел

отдаленных,

Звери спрятались в норах...

Ветер

Шляпу прохожего

В небо занес —

Вернуть не желает...

Искрами синими вспыхивает овес,

Полнеба огнем пылает...

Разверзлася твердь!

Июньской питаешь ты жажду земли хлебородной,

Дождь,—

Многошумный, тяжелый, широкий, свободный...

О! Дар твой предивен,—

Ливень,

Ливень,

Ливень!

Дороже серебряных гривен

И золотых рублей,—

Лей!

Лей!

Лей!

...Темно, словно в яме.

Деревья уже не гудят, перекрещены

Молниями...

Небесные трещины

Отражаются

В окнах лачуг,

Полощут
Рощу и луг,
В травах воскресших мелькают,
По законам неведомым
Гнезда пичуг
Дугой обтекают...
...И рощи и нивы свежи.
На камень старой межи,
У полоски
Присяду послушать
Ушедшей грозы
Отголоски —
Нищающей в дальнем просторе...
Здравствуй,
Зеленое, желтое море! —
Царство туманов недолгое
Между землею и солнцем...

БУРУНДУК

Бурундук в черемуховой роще
Расшивает ветки золотистой пряжей:
Маленький,
А в небесах все дерево полощет,
Сам прядет и ткет,
Рисует
И единство вяжет!

А черемуха-то ягодой богата,
Зной дурманит голову, благоухает
Черная смородина.
И черного агата —
Звон о днища ведер — не стихает.

Бурундук блестящую взял ягодину в лапы,
Показал, объел и — косточку закинул.
Словно маленький лесовичок крылатый,
Вверх взлетел! —
И в зелени среди ягод сгинул...

Ах ты детство — чародей веселый,
Золотистый бурундук сибирский, полосатый!
Лето под звездой твоей казалось маловатым,
Бесконечностью казались дни —
Холодной зимней школы.

Видел я, как вяжут кружева,
Как бисер нижут,
Мысленные сам недурно вью мосты я,
Но твои движения — свободные, простые,—
Бурундук,
Ужель я больше не увижу?

ЧУДАК

Знаком кастовым чело не отмечено.
Да и палка его не цвела...
Но мировая трещина
Лоб изрезала, в грудь пролегла.

«В чем вся должность твоя и профессия?
То есть званье твое, например?
Ты — чужак тут... А я — тут на месте я
И почетный — кругом! — браконьер...

Твое дело неблагородное
Мы одобрить не можем никак.
Достоянье природы — народное,
Удались и не меряй, чудак!»

Да, в России безмерной измерить
Кто сумел бы добро? Да и зло?
Ей, поэт говорил, надо верить.
...Но и действовать надо зело!

И гляди: он все ходит, все борется,
Страну охраняя «за так»!..
На рогатину авось да не напорется
Бескорыстный российский чудак.

Где встречал я его? На Урале,
В Казахстане, в Сибири встречал.
Чтобы реки у нас не вспокрали,
Он восходит на волжский причал.

В мира шумного ярой огромности
Он отстаивает острова тишины.
Непарадные эти укромности,
Чтоб себя отыскать. нам нужны.

Да и можно ли жить иначе?
Лицедейство — хитро, да старо.
Только мудрость зовем мы чудачеством.
Ибо мудрость всегда за добро!

Лицедей — обывательский оборотень —
Страны рушит и материки.
Но поймать его, простаки, попробуйте...
Слава богу, что есть чудаки.

Они — корень. Они же — и листья.
Они — древняя суть родника.
И святых чудаков бескорыстьем,
(Очень дельным!) Россия — крепка.

СВЯЗИ

Любви, добра и славы — не конец,
Когда нахмурит север небосклоны,
Когда короны светлые и плащаниц багрец
Уронят наземь царственные клены.

В зарю преобразится алое вино осин,
Ячмень и рожь вольются в закрома и чаны.
Полей осенних, рощ безлюдных и трясин
Закат — на кисть поймай — печально-величавый.

Меняются цвета в природе — не грусти,
Меняются в душе цвета — тем более!
Будь верен чести, но пути освободи
Для новой воли к правде и для боли.

Уходит в док баржа и пароход уйдет.
И пусть пустеет берег у причала

Ветров... Все это только переход
Вещей и душ в их новое начало.

Река упрячется под льды, но веселей версты
Скользить пойдут по гроыхающим озерам.
И солнца ярого морозные холсты,
Великие, зима откроет нашим взорам.

Лес темен спит. И в поле спит зерно,
Вкушая мощное под тундрами блаженство.
Не холодно ему и вовсе не темно,
В нем совершается таинственное действо.

Мне снится обок рощи под ветрами клен;
Жизнь малого зерна я чувствую слабее...
Век шумный и большой не всем определен,
Но кто не трагик во всемирной эпопее?

Уже небесная усеяна звездами степь.
Суть красоты ее в путей многообразье!
В природе нет цепей. Зима — совсем не цепь,
Она — таинственные живописи связи.

Из горних льется красота прорех,
Из туч гармония сочится, темных, рваных...
Художнику из мастерской не выйти — грех,
Грех, лжесвидетельству, пожалуй, равный!

Отвергнет сам он не горящей кисти вздор.
В нем — стыд. Но, золото качающий из грязи,
Конца пророк, злодей, и лжец, и вор
Поймет ли вдруг необратимость связей?

НЕЙТРОННОЕ ДЕТСТВО

(Маленькая поэма)

1

...И некуда деться, и негде укрыться,
Ибо смерть «краснолицым» и смерть «бледнолицым»...
Чьей ради корысти?.. Чьих ради амбиций?..
Где видано прежде «Нейтронное детство»?
И сам президент — во всемирном крушенье.
Он делся куда бы? —
    Для дел завершений?
Для воспоминаний
    о бывшей планете,
Где были со взрослыми рядом их дети?..
И столь был велик — человеческий гений?!

...А впрочем, авось да спасется «элита»?
Но, коли о детях и думать забыто
    (Ведь в «играх» глобальных — о детях забыли?..),
Но если о детях и думать забыто,—
Тогда уж забыть и старинные были?
Легенды и мифы и все поученья
Забуть?..
    И священное жизни значенье —
Забуть?
    Под единственным небом планеты.
И мир, где поэмы слагали поэты —
Забуть?

Где вы, прерии детства? Где ты, Гайавата?
Где ты, трубка мира? Где вампум священный —
Лонгфелло, поэт причудаковатого?
Считаться ли стала пустой и никчемной
Та песнь — о победе великого братства?..

Сгорела ль в блокадных ночах ленинградских она
И дымом пожарищ под звезды рассеяна?
Иль знает и помнит ее лишь Россия одна?
Ее ли унижил позор Хиросимы?..
НЕТ!

«Песнь» Лонгфелло — не «переросли» мы!

2

Не зовите свободой бесчинства в ЮАРах.
Эй, не жарьте каштаны в гудящих пожарах!
Над джинном в бутылке смешно председательство.
Европу в заложники — срам и предательство!
И хоть есть полигон в знойном штате Невада,
Но Россию с тем штатом
вам путать не надо.

А прочие страны —

с чистилищем ада!..

После тысячи горь, после стольких смещений
Миру надо вернуть мира вмпум священный!
Не для того ли и песни поются,
Чтоб к мудрости детства бесценной вернуться?
И к братству, которое нам завещал Гайавата?

Детству детство вернуть,
Взрослым — разума прочность,
Ибо в мысль президентскую вкралась неточность:
Разве тех, кто на «ты» с пошлой тайной нейтронов,
Сам нейтрон обойдет, — волоска с них не тронув?!
Нет! Лишь царства подземного мертвой короной
Наградит он безумца, — предателя мира..
Ибо жизнь священна и неповторима!
Из прав человека — насущных и мыслимых,
Простых и реальных, священными — числимых,
Из прав непреложных и не — отъемлемых! —

Есть право на Жизнь.
Кто и чем нам заменит
Здесь его на Земле?
А не в дальних Вселенных?!
У гангских, у нильских, у волжских прибрежий,
Неприкосновенна, чиста и безвинна,
Грезит о жизни, о смерти не грезит! —
Зеленого Детства святая долина.
Чиста и безвинна, как сам Гайавата
(Мужеству мудрого воина слава!),—
В скопленьях оружия — не виновата,
На жизнь предъявляет священное право!

3

Детство!
Оно благодарно сове или филину,
Что — хватать! — из-под камня живую извилину
(И в лунной ночи, и в безмесячной хмари)—
Глядишь, и спасут от опаснейшей твари!
Детство не ханжество. Детству не кажется,
Что гад потихохоньку к людям привяжется...
Тварь вроде как «божья»? Ах, надо быть добрыми!
Да, надо быть добрыми. Только не с кобрами!
Дружи с ними сам, лицемер полудикий:
Познаний похлебка твоя не густа ведь!
Был детства героем всегда — Рики-Тики,
Бесстрашный, великий — и Тики и Тави!
...Хоть в чинных дворцах, хоть в приютах грошовых —
Не напрочь источники детства иссякли:
Не умерли песни о маленьком Маугли,
Ни в города джунглях, ни в сельских трущобах
Не умерли песни!

У древних костров трубка мира курится...
Бог весть что в котлах закопченных варится:
Бобы, или травы, иль золото проса?..

Важна трубка мира. В ней — корень вопроса!
Мы и после войны трубку мира курили.
Мы индейцами, неграми Африки были.
Без рубах, щеголяя портками кургузыми,
Мы картошку пекли и считались индусами.
Ни окопы, ни дзоты для игр мы не строили,
Мы фашиста внимания не удостоили.
То, что было бедой, не считалось игрою.
Но геройство для нас было нормой — не скрою!
И не был «торгаш» нам ни сватом, ни братом.
Мы знали: с нечистой душою соваться
Неможно в борьбу за всемирное братство.
Торгаш почитался — тираном проклятым!..

Знамена побед в городах развевались.
В полях и в лесах — в землях выжженных, отчих,
Мы, дети, играя в борьбу за рабочих,
На мины фашиста — всерьез нарывались...
И в опытах наших с оружием — личных! —
Нечаянных или до жути сознательных —
Мы рано усвоили жизни трагичность
И смерти
Неправедную не-обязательность!

Разряжая гранаты (собой лишь рискуя! —
Других не решая таинственный жребий!) —
О хлебе для всех жило детство, тоскуя,
О справедливом для каждого хлебе!
О жизни — для всех! О свободе и чести!
О правосудии (даже для бестий).
В трудах полевых, в кратких лета привалах,
Не зная о страшных рассудка провалах, —
О взрослых, которые малому шкету
Уже не гранату несут, а ракету!
О чем — наяву, без стыда говорится —

Могло ли и в снах наших страшных присниться?..
И так ли давно? — не в кино, а в «натуре» —
Драму кончил провалом бессмысленный фюрер?
А жестокость жива. Вправду ль длиться ей вечно?
НЕПРАКТИЧНА жестокость!

И БЕСЧЕЛОВЕЧНА!

4

Ложь глобальная — тоже — куда как не новшество!
Ложь не знает находок — одни лишь потери.
Но в нелепой «всемирной нейтронной мистери»
Нет абсурдней игры, чем игра в крестоносца!..

Под небом великим,
Под небом единым
Детство священо,
Священны седины.

За индейца, за негра — боролось, бороться
Будет детство всегда. Справедливое детство!
То, что вечно, лишь собственной жизнью рискуя,
Но других не решая таинственный жребий,
Лишь о справедливом — для каждого хлебе
Мечтало, и мира и правды взыскуя!

После тысячи горь, после стольких смещений
Миру надо вернуть детства вампум священный!
Не для того ли и песни поются,
Чтоб к мудрости детства бесценной вернуться?

...У древних костров трубка мира курится.
Бог весть что в котлах закопченных варится,
Бобы или травы? Иль золото проса?..
Мир! — МИР их взрастил,— вот в чем корень вопроса.

СОДЕРЖАНИЕ

Освободи шмеля!	3
Бурьян	5
Ночное	6
«Синий воздух — чьи клики пронзили?..»	8
Песня сплавщиков	9
«Тихо падает лист на заре...»	11
Стремление	13
Мелодия для гитары	15
Мальчик Май	16
«Глянь! — в гущу зелени уж вкрался красный лист...»	18
Роща зазелела...	19
Кувшин	20
Восточный мотив	22
«От северной половины земного шара...»	24
Вязанка	26
Южный город	28
Свет и мрамор	29
Вечерний Гольфстрим	30
Каменное поле	31
«О том, как ей пели метели...»	33
Восемнадцатый век	35
Боярышник	36
Корни	37
Коса	40
Скакун	41
Ударили капли...	47
Вечерние грачи	48

Сокровенный миг	49
Дождь	50
«В тумане светлом и теплом...»	51
Предзимний бег	52
Серая лошадь	53
Варданэ	54
Песня моряка	55
Видение почты	57
Вечерняя звезда	58
Ах, одуванчик	59
Сверчок	60
Геолог	62
Яблоневая страна	63
Плотогоны	64
Баллада о старой ели	66
Прялка	67
«Осени желтые ветры...»	68
Лебедь	70
Речное эхо	70
Жеребенок	72
Неунывающий клевер	73
Мой вороненок	75
Шахты	76
Закат	78
Кони Мороза	78
Явление сумерек	79
Огни	80
Песнь о последнем снеге	81
Озимь голубая	83
Земле	84
«Над Москвой облака высоки...»	85
Обозы	86
Живопись листа	88
Детство	89
Лен	91
Мистерия рынка	93

Гончар	99
Водопад	100
Бык	101
Дела	102
Путь	103
Месяц	104
Утоление жажды	106
Бурундук	107
Чудак	109
Связи	110
Нейтронное детство (<i>Маленькая поэма</i>)	112

Иван Семенович Киуру

НЕУНЫВАЮЩИЙ КЛЕВЕР

М., «Советский писатель», 1985, 120 стр.
План выпуска 1985 г. № 184

Редактор *Е. Л. Хримов*
Худож. редактор *Д. С. Мухин*
Техн. редактор *Е. П. Румянцева*
Корректор *Б. Ш. Котт*

ИБ № 4649

Сдано в набор 08.05.84. Подписано к печати 07.03.85.
А 06416. Формат 70×108 1/32. Бумага тип. № 1. Литературная гарнитура. Офсетная печать. Усл. печ. л. 5,25.
Уч.-изд. л. 4,62. Тираж 20 000 экз. Заказ № 478.
Цена 55 коп.

Ордена Дружбы народов издательство «Советский писатель», 121069, Москва, ул. Воровского, 11. Тульская типография Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 300600, г. Тула, проспект Ленина,
109

55 коп.

